

историю» как «определяющий момент в творчестве» (с. 172). В этом он также усматривает черту, отделяющую Нобелевского лауреата от классиков «критического реализма», которым была свойственна вера в прогресс. В качестве аргументов называются любовь Бунина к описаниям, статика характеров и нередкое отсутствие сюжета. Но обилием развернутых описаний отличались и Гоголь, и Т. Манн; характеры предстают статичными у многих крупнейших мастеров, начиная с Гомера. Значит ли это, что упомянутые писатели также «не верили в историю»?

Конечно, у Бунина нет такой подробно изложенной исторической концепции, как у Л. Толстого. Однако там, где его отношение к истории все же выражено, оно совершенно не подходит под определение В. Линкова. Исследователь утверждает, что в глазах Бунина история абсурдна, а человек отчужден от нее. Сравним с этим суждением финал рассказа «Богиня Разума» (1924): «...от жизни человечества, от веков, поколений остается на земле только высокое, доброе и прекрасное, только это. Все злое, подлое и низкое, глупое в конце концов не оставляет следа: его нет, не видно. А что осталось, что есть? Лучшие страницы лучших книг, предания о чести, о совести, о самопожертвовании, о благородных подвигах, чудесные песни и статуи... Остался, есть и вовеки пребудет Тот, Кто, со креста любви и страдания, простирает своим убийцам объятия, осталась Она, единая, богиня богинь, ее же благословенному царствию не будет конца». Если это и есть «убеждение в бессмысленности истории» (с. 97), безразличие к добру и отсутствие значимых ценностей (с. 136), остается лишь воскликнуть вместе с Козьмой Прутковым: «Не верь глазам своим»!

В. Линков верно отмечает, что Бунину далеко не свойственна «вера в историю», воодушевлявшая традиционно-демократическую интеллигенцию, — вера в «небо в алмазах», в светлое будущее эгалитарного прогресса. Однако в данном аспекте с автором «Окаянных дней» солидарны и К. Леонтьев, и авторы «Вех», и И. Ильин, которых весьма трудно уличить в отношении к истории как к абсурду. Вопреки утверждению В. Линкова об отчужденности Бунина от истории писатель остро чувствовал и насущность сложившихся традиций (как художественных, так и политических), и свою личную связь с поколениями предков, а родину воспринимал как «дом... созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный благопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой» («Миссия русской эмиграции»). Защищая «память о прошлом» как условие сохранения культуры, мог ли Бунин предполагать, что его взгляды будут интерпретированы как «убеждение в бессмысленности истории»!

Ученый справедливо пишет о сосредоточенности Бунина не на неповторимых событиях, а на повседневном «переживании жизни», занимающем в его художественном мире особо значимое место (с. 137—140). Но это не отсутствие интереса к истории, а новое вос-